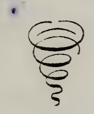

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СТИХОТВОРЕНІЯ

К. РЫЛѢЕВА.

(Второе изданіе пополненное.)

БЕРЛИНЪ. 1858.

FERDINAND SCHNEIDER.

BEHREN-STRASSE, 12.

Содержаніе.

Волынскій.

(ДУМА.)

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ сомодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ,
И мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій безъ боязни.

„Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ, въ часы кровавой брани,
Неотразимою грозой,
Какъ покоротели Казани.
Пусть удивляетъ . . . но, когда
Онъ все творитъ то̀ изъ тщеславья,

Бѣда несчастному, бѣда! —
Онъ сынъ не славы, а безславья!

„Гласъ общій цѣну дастъ дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства, —
И на проклятія вѣкамъ
Предастся рабъ сей отъ потомства!
Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!

„Но тотъ, кто съ гордыми въ борьбѣ
Наградъ не ждетъ и ихъ не проситъ,
И, забывая о себѣ,
Все въ жертву родинѣ приноситъ.
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ;
Въ часъ казни правотою гордъ,
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

„Повсюду честный человѣкъ,

Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ
Какъ другъ добра, безъ укоризны.
Ковать ли станетъ на гражданъ
Пришлецъ иноплеменный сѣти —
Онъ на него, какъ хищный вранъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи!

„И хоть падетъ, но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной,
И онъ, и пламенный порывъ
Души свободной, благородной.
Славна кончина за народъ!
Пѣвцы герою къ воздаянье
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянья.

„Вражда къ неправдѣ закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ —
И Русь священная узритъ
Неправосудіе въ обломкахъ."
Такъ, сидя въ крѣпости, въ цѣпяхъ,

Волынскій думалъ справедливо;
Душею чистъ и правъ въ дѣлахъ,
Свой жребій несъ онъ горделиво.

Странъ сѣверныхъ отважный сынъ,
Презрѣвъ и казнью и Бирономъ
Дерзнулъ на пришлеца одинъ
Всю правду высказать предъ трономъ;
Открылъ Царицѣ корень зла,
Любимца гордаго пороки,
Его ужасныя дѣла,
Коварный умъ и нравъ жестокій.

Свершилъ, исполнилъ долгъ святой,
Открылъ вину народныхъ бѣдствій,
И ждалъ съ безтрепетной душой
Дѣянью правому послѣдствій.
Недолго вольности лишенъ
Герой влачилъ свои оковы:
Однажды вдругъ запоровъ звонъ —
И входитъ стражъ къ нему суровый.

Поникъ — и, осѣнясь крестомъ,

Сказалъ: „за истину святую
И казнь мнѣ будетъ торжествомъ!
Я мнилъ спасти страну родную,
Пусть жертвой клеветы умру!
Что мнѣ враговъ коварныхъ злоба?
Я посвящалъ себя добру
И вѣренъ правдѣ былъ до гроба!“

Въ его очахъ при мысли сей
Сверкнула съ гордостью отвага;
И бодро изъ тюрьмы своей
Шелъ другъ общественнаго блага.
Притекъ . . . . увидѣлъ палача —
И голову склонилъ безъ страха;
Сверкнуло лезвіе меча
И кровью освѣтилась плаха!

Сыны отечества! въ слезахъ
Ко храму древнему Самсона!
Тамъ за оградой, при вратахъ,
Почіетъ прахъ врага Бирона!
Отецъ семейства! приведи

Къ могилѣ мученика сына,
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина!

Любовью къ родинѣ дыша,
Да все для ней онъ переноситъ,
И благородная душа
Пусть личность всякую отброситъ,
Пусть будетъ чести образцомъ,
За страждущихъ желѣзной грудью,
И вѣчно заклятымь врагомъ
Постыдному неправосудью!

Борисъ Годуновъ.

(ДУМА.)

Москва рѣка дремотною волной
Катилась тихо межъ брегами;
Въ нее, гордясь, глядѣлся Кремль стѣной
И златоверхими главами.
Умолкъ по улицамъ и вдоль бреговъ
Кипящаго народа гулъ шумящій,
Все въ тихомъ снѣ, лишь Годуновъ,
На ложѣ бодрствуетъ стенящій.

Предъ образомъ Спасителя въ углу
Лампада тусклая трепещетъ,
И блѣдный лучъ, блуждая по челу,
Въ очахъ страдальца странно блещетъ . . . .
Тутъ зрѣлся скиптръ, корона тамъ видна,
Здѣсь золото и серебро сіяло!

Увы! лишь добродѣтели и сна
Великому недоставало . . .

Онъ тщетно звалъ его въ ночной тиши;
До сна-ль, когда шептала совѣсть
Изъ глубины встревоженной души
Ему цареубійства повѣсть.
Предъ нимъ прошедшее, какъ смутный сонъ,
Тревожной оживлялось думой,
И трепету невольно преданъ онъ
Страдалъ въ душѣ своей угрюмой.

„Я мнилъ: взойду на тронъ — и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его народу,
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу.
Начнутъ торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышные и села,
Полезному открою всѣ пути,
И возвеличу блескъ престола!

„Я мнилъ: народъ меня благословитъ,

Зря благоденствіе отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щитъ
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю, но ропота души
Оно остановить не можетъ,
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши,
Вездѣ равно меня тревожитъ.

„Вездѣ, какъ неотступный стражъ земной,
Какъ злой неумолимый геній,
Влачится въ слѣдъ и шепчетъ мнѣ порой
Невнятно повѣсть преступленій...
Ахъ, удались, дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья!
Не раздирай страдальческую грудь,
Полна ужъ чаша наказанья!

„Взываю я, но тщетны всѣ мольбы!
Не отгоню ужасной думы;
Повсюду зрю грозящій перстъ судьбы,
И слышу сердца гласъ угрюмый...
Терзай же тайный гласъ, коль суждено,

Терзай! но я восторжествую,
И смою черное съ души моей пятно,
И кровь царевича святую!

„Пусть злобный рокъ преслѣдуетъ меня,
Не утомлюся отъ страданья,
И буду царствовать до гроба я
Для одного благодѣнья.
Святою мудростью и правотой
Свое правленіе прославлю,
И прахъ несчастнаго почтить слезой
Потомка поздняго заставлю.

„О! такъ, хотъ станутъ проклинать во мнѣ
Убійцу отрока святаго,
Но не забудутъ же въ родной странѣ
И дѣлъ полезныхъ Годунова!“
Страдая внутренно, какъ думалъ онъ,
И вдругъ, на гласъ святой надежды,
Къ царю слетѣлъ давно желанный сонъ,
И осѣнилъ страдальца вѣжды.

И съ той поры державный Годуновъ,

Переносся гоненье рока,
Творилъ добро, былъ подданнымъ покровъ,
И врагъ лишь одного порока.
Скончался онъ, и тихо приняла
Земля несчатнаго въ обьятья;
И загремѣли за его дѣла:
Благословенья и проклятья!...

Дмитрій Самозванецъ.

(ДУМА.)

Чьи такъ дико блещутъ очи?
Дыбомъ черный волосъ всталъ.
Онъ страшится мрака ночи;
Зрю: сверкнулъ въ рукѣ кинжалъ!
Вотъ идетъ, стоитъ... трепещетъ...
Быстро бросился назадъ;
И, какъ злой преступникъ, мещетъ
Вдоль чертога робкій взглядъ!...

Не убійца-ль сокровенный,
За Москву и за народъ,
Надъ стезею потаенной
Самозванца стережетъ?...
Вотъ къ одну оборотился,
Вдругъ луны, сребристый лучъ

На чело къ нему скатился
Изъ-за мрачныхъ грозныхъ тучъ.

Что я зрю!... то хищникъ власти,
Лжедимитрій тамъ стоитъ;
На лицѣ пылаютъ отрасти,
Трепеща онъ говоритъ:
„Тамъ, въ чертогахъ кто-то бродитъ,
„Шорохъ!... заскрипѣла дверь!...
„И вотъ призракъ чей- то входитъ,
„Это ты, Бориса дшерь!...

„О, молю: избавь отъ взгляда
„Укоризною горя,
„Онъ вселяетъ муки ада
„Въ грудь преступнаго царя!...
„Но изчезла у порога.
„Это кто-жъ мелькнулъ и сталъ,
„Притаясь, въ углу чертога?...
„Это Шуйскій!... я пропалъ!...“

Такъ страдалъ злодѣй коварный
Въ часъ спокойствія въ Кремлѣ,

Выступалъ безпрестанно
Потъ холодный на челѣ.
„Не укроюсь я отъ мщенья!"
Онъ невнятно прошепталъ, —
„Для тирана нѣтъ спасенья,
„Другъ ему — одинъ кинжалъ!...

„На престолѣ, иль на ложѣ,
„Иль въ толпѣ, на площади,
„Рано-ль, поздно-ли, но все-же
„Быть ему въ моей груди.
„Прекращу-жъ свой вѣкъ постылый,
„Мнѣ наскучило страдать
„Во дворцѣ, какъ средь могилы,
„И убійцу ожидать!"

Сталь занесъ, она сверкнула, —
И преступный задрожалъ...
Смерть тирана ужаснула,
Выпалъ поднятый кинжалъ.
„Не настало еще время —"
Простоналъ онъ, „но придетъ!

„И несносной жизни бремя
„Тяжкой ношею спадетъ!“

Но, какъ будто бы очнувшись,
„Что свершить рѣшился я?!“
Онъ воскликнулъ ужаснувшись;
„Нѣтъ, не погублю себя...
„Завтра-жъ, завтра все разрушу,
„Завтра хлынетъ кровь рѣкой;
„И встревоженную душу
„Вновь порадуетъ покой!

„Вмѣсто праотцевъ закона
„Я введу законъ Римлянъ;
„Грозной местью гряну съ трона
„Въ подозрительныхъ гражданъ.
„И твоя падетъ на плахѣ,
„Буйный Шуйскій, голова...
„И, дымясь въ крови и прахѣ,
„Затрепещешь ты Москва!“

Смолкъ. Преступныя надежды

Удалили страхъ; — и онъ
Легъ на пышный одръ, и вѣжды
Оковалъ тревожный сонъ. —
Вдругъ среди безмолвья грянулъ
Бой набата близъ дворца!
И тиранъ съ одра воспрянулъ
Съ смертной блѣдностью лица!...

Побѣжалъ, — и зритъ у входа,
Изо всѣхъ Кремлевскихъ вратъ,
Волны шумныя народа,
Ко дворцу стремясь, кипятъ.
Вотъ приблизились, напали,
Храбрый Шуйскій впереди —
И Сарматы побѣжали
Съ хладнымъ ужасомъ въ груди! —

„Все погибло!... нѣтъ спасенья!
„Смерть прибѣжище одно!“ —
Рекъ тиранъ... еще мгновенье —
И бросается въ окно.

Палъ на камни, и при стукахъ
Копій, сабель и мечей,
Жизнь окончилъ въ страшныхъ мукахъ
Нераскаянный злодѣй!

Глинскій.

(ДУМА.)

Подъ сводомъ обширнымъ темницы под-
земной,
Куда лучь привѣтный отрадныхъ свѣтилъ
Страшился проникнуть; гдѣ въ области темной
Лишь блѣдный свѣтъ лампы, мерцая, бро-
дилъ:
Гремѣвшій въ Варшавѣ, въ Литвѣ и Россіи,
Безславьемъ и славой свершенныхъ имъ дѣлъ,
Въ тяжелой цѣпи по рукамъ и по выи,
Князь Глинскій задумчивъ сидѣлъ.

Волосъ уцѣлѣвшихъ сѣдые остатки
На сморщено вѣкомъ и грустью чело
Спадали кудрями, віясь въ безпорядкѣ;
Страданье на Глинскомъ бразды провело . . .

Сидѣлъ онъ склоненный на длань головою,
Угрюмою думой въ минувшемъ леталъ,
Звучалъ средь безмолвья цѣпями порою
И, тяжко стоная, вздыхалъ.

При немъ неотступно въ темницѣ сидѣла
Прелестная дѣва, отрада слѣпца;
Свободой, и счастьемъ и свѣтомъ презрѣла,
И блага всѣ въ жертву она для отца.
Блескъ пышный чертога для ней замѣнила
Могильная мрачность темницы сырой,
Здѣсь дѣвичью прелесть дочь нѣжная скрыла
И жизни зарю молодой.

„О, долго-ли будешь стоная лить слезы?“
Рекла она нѣжно. „Печали забудь!“
„Быть можетъ расторгнешь сіи ты оковы;
„Надежда лелѣетъ и узниковъ грудь.
„Быть можетъ, остатокъ несчастливой жизни,
„Спокоя волненье и бурю души,
„Какъ гражданинъ вѣрный, на лонѣ отчизны,
„Ты счастливо кончишь въ тиши! —“

„На лонѣ отчизны!“ Восликнулъ измѣн-
никъ.
„Не мнѣ утѣшаться надеждою сей!“
Страшась угрызеній стенающій плѣнникъ,
Несчастный и вспомнить трепещетъ о ней.
„Могу-ль быть покоенъ, хотя на мгновенье?
„Червь совѣсти тайно терзаетъ меня,
„Къ себѣ самому я питаю презрѣнье
„И мучусь, измѣну кляня.

„Природа дала мнѣ возможныя блага,
„Чтобъ славнымъ быть въ мирѣ и грознымъ
въ войнѣ:
„Богатство, познанья, порода, отвага,
„Все съ щедростью было ниспослано мнѣ.
„Желалъ еще славы и лавровъ побѣды;
„Душа трепетала, духъ юный кипѣлъ . . .
„Вдругъ поднялися на Польшу сосѣды,
„И лавръ мнѣ достался въ удѣлъ.

„Могольскія орды влетѣли бѣдою,
„Литва задымилась въ пылу боевомъ, —

„И старцы, и жены, и дѣти толпою
„Влеклися въ неволю свирѣнымъ врагомъ.
„И въ пепелъ деревни и пышные грады,
„И буйный Татаринъ въ крови утопалъ;
„Ни вѣку, ни полу не зрѣли пощады,
„Мечь жадный надъ всѣми сверкалъ,

„Встревоженъ невзгодой я къ хищнымъ на-
встрѣчу
„Съ дружиною храбрыхъ помчался грозой.
„Достигъ — и отважно въ кровавую сѣчу,
„И кровь полилася, запѣнясь рѣкой.
„Покрылись тѣлами поля и равнины,
„Литвинъ и Татаринъ упорно стоялъ;
„Но съ яростью новой за мною дружины —
„И гордый Моголъ побѣжалъ.

„Боролся съ кончиной властитель держав-
ный,
„Тревогой и плачемъ наполненъ дворецъ,
„И вдругъ о побѣдѣ и громкой и славной
„Отъ Глинскаго съ вѣстью примчался гонецъ.

„Чело Александра веселость покрыла.
„Когда торжествуетъ родная страна, —
„Онъ рекъ предстоящимъ, — тогда и могила,
„Повѣрьте, друзья, не страшна! —

„Симъ подвигомъ славнымъ, чрезъ мѣру надменнымъ,
„Не могъ укротить я волненье страстей —
„И родъ Забржензенскихъ, давно мнѣ враждебный,
„Внезапно средь сѣчи палъ жертвой мечей.
„Погибъ онъ — и други мнѣ стали врагами;
„И предаесъ душею лишь мести одной
„Дерзнулъ я внестись съ чужими полками
„Въ отчизну свирѣпой волной.

„О, муки! о, совѣсть, тиранъ неотступный!...
„Ни зрѣлище стоговъ родимой земли,
„Ни тайный гласъ сердца, изъ длани преступной
„Въ часъ битвы исторгнуть меча не могли!

„Среди раздраженныхъ, пылающихъ мщеньемъ,
„И ярыхъ и грозныхъ душей моствитянъ,
„Увы,къ преступленью влекомъ преступленьемъ,
„Разилъ я своихъ согражданъ!

„Бой конченъ — и Глинскій узрѣлъ на
равнинѣ:
„Растерзанны трупы и груды костей;
„Душа предалася невольно кручинѣ
„И брызнули слезы на грудь изъ очей.
„Не въ пору позналъ я тоску преступленья,
„Вся гнусность измѣны представилась мнѣ;
„Молилъ Сигизмунда поступкамъ забвенья,
„Мечталъ о родной сторонѣ. —

„Но геній враждебный, о тайнѣ душевной
„Царю въ злое время извѣстіе далъ,
„И Русскій властитель, смущенный и гнѣвный
„Раскаянье сердца измѣной назвалъ!
„Лишилъ меня зрѣнья, владыка суровый,
„Забывши и славу и старость мою;

„На дядю царицы надѣлъ онъ оковы
„И ввелъ его въ бездну сію!

„Лѣтъ десять живу въ могилѣ я хладной,
„Ни звѣзды, ни солнце не свѣтятъ ко мнѣ;
„Тоскую угрюмый въ душѣ безотрадной,
„И думой стремлюся къ родимой странѣ.
„Примѣтно слабѣю въ утраченныхъ силахъ;
„Чуть сердце трепещетъ, нѣмѣетъ мой гласъ,
„И медленно льетя кровь хладная въ жилахъ,
„И смерти ужъ близится часъ!

„О дочь моя! скоро надъ гробомъ рыдая,
„Ты бросишь на прахъ мой горсть чуждой
земли!
„Скорѣе, другъ юный, бѣги сего края,
„Отъ милой отчизпы жить грустно въ дали!
„Свободный народъ нашъ, дѣяньями славный,
„Издавна извѣстный въ далекихъ краяхъ,
„Проступокъ несчастныхъ отцовъ своенравный
„Не будетъ отмщать на дятяхъ.

„Край милый увидишь, и сердца утраты,
„И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь:
„И башни, и храмы, и предковъ палаты,
„И сердцу святыя гробницы узришь!
„Отца проклиная, дочь милую нѣжно
„И ласково примутъ отчизны сыны, —
„И ты дни окончишь въ тиши, безмятежно
„На лонѣ родимой страны.

„Пусть рокъ мой, исполненъ тоской и му-
ченьемъ,
„Пребудетъ примѣромъ отчизнѣ моей;
„Да каждый, пылая преступнымъ отмщеньемъ
„Итти не посмѣетъ стезею страстей.
„Да видятъ во мнѣ моей родины братья,
„Что рано иль поздно измѣнѣ взгремятъ
„Ужасныя сердцу сограждан проклятья
„И совѣсть отъ сна пробудятъ!...

Начастный умолкнулъ съ душевной тоскою.
Вдругъ стонъ по темницѣ — и Глинскій упалъ
На дочери лоно сѣдой головою,

И холодъ кончины его оковалъ!...
Такъ Глинскій, мужъ думы и пламенный
воинъ,
Погибъ на чужбинѣ въ тюремной глуши.
Хвалы бы онъ вѣчной былъ въ мірѣ достоинъ,
Когда-бъ не надмѣнность души.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ.
„НАЛИВАЙКО."

I. КІЕВЪ.

Едва возникнувшій изъ праха,
Съ полуразвѣнчаннымъ челомъ,
Добычей дерзостнаго ляха
Дряхлѣетъ Кіевъ надъ Днѣпромъ.
Какъ все измѣнчиво, непрочно!
Когда-то роскошью восточной
Въ странѣ богатой онъ сіялъ;
Смотрѣлся въ Днѣпръ съ бреговъ высокихъ,
И красотой изъ странъ далекихъ
Пришельцевъ чуждыхъ привлекалъ.
На шумныхъ торжищахъ звенѣли
Царьградскимъ золотомъ купцы,
Въ садахъ по улицамъ блестѣли
Великолѣпные дворцы.
Среди Хазаръ и Печенѣговъ

Дружиной витязей хранимъ,
Онъ посмѣвался, невредимъ,
Грозѣ ихъ буйственныхъ набѣговъ.
Народамъ диво и краса:
Воздвигнуты рукою дерзкой,
Легко взносились къ небесамъ
Главы обители Печерской,
Какъ души иноковъ святыхъ
Въ своихъ молитвахъ не земныхъ.
Но ужъ давно, давно не видно
Богатствъ и славы прежнихъ дней,
Все Русь утратила постыдно
Междоусобіемь князей.
Дворцы, сребро, врата златыя,
Толпы гражданъ, толпы дѣтей —
Все стало жертвою Батыя;
Но Гедиминъ нанесъ ударъ:
Прошло владычество Татаръ!
На мигъ раздался гласъ свободы,
На мигъ воскреснули народы...
Но Кіевъ на степи глухой,

Дивитъ ужъ болѣ не способный,
Подъ властью Ляха роковой,
Стоитъ какъ памятникъ надгробный
Надъ угнетенною страной!

II. ИСПОВѢДЬ НАЛИВАЙКИ.

„Не говори, отецъ святой,
Что это грѣхъ! слова напрасны:
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный...
Чтобъ Малороссіи родной,
Чтобъ только русскому народу
Вновь возвратить его свободу —
Отступничество Уніатовъ,
Всѣ преступленія Сарматовъ,
Я на душу принять готовъ.

Итакъ, ужъ не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай!
Мнѣ адъ — Украйну зрѣть въ неволѣ,
Ее свободной видѣть — рай!
Еще отъ самой колыбели

Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ;
Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда, объятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ.
Козакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.
Но все исчезло какъ призракъ.
Уже давно узналъ козакъ
Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
Жидъ, Уніятъ Литвинъ, Полякъ —
Какъ стаи кровожадныхъ врановъ
Терзаютъ безпощадно насъ.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народный слышенъ гласъ:
Ему никто, никто не внемлетъ.
Къ Полякамъ ненавитть съ тѣхъ поръ
Во мнѣ кипитъ и кровь бунтуетъ;
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ,

Душа безъ вольности тоскуетъ.
Одна мечта и ночь и день
Меня преслѣдуетъ какъ тѣнь;
Она мнѣ не даетъ покоя,
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ Церквахъ святыхъ.
„Пора!“ мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
„Пора губить враговъ Украйны!“
Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа —
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!

III. СМЕРТЬ ЧИГИРИНСКАГО СТАРОСТЫ.

Съ пищалью мѣткой и копьемъ,
Съ булатомъ острымъ и съ нагайкой,
На аргамакѣ ворономъ
По степи мчится Наливайко.
Какъ вихорь, бурный конь летитъ,
По вѣтру хвостъ и грива вьется,
Густая пыль изъ-подъ копытъ
Какъ облако во слѣдъ несется...
Летитъ... привсталъ на стременахъ,
Въ туманъ далекій взоры топитъ,
Узрѣлъ — и съ яростью въ очахъ
Коня и нудитъ и торопитъ...
Какъ точка передъ нимъ вдали
Чернѣетъ что-то въ дымномъ полѣ;
Вотъ отдѣлилась отъ земли,

Вотъ съ каждымъ мигомъ болѣ, болѣ,
И наконецъ, на вышинѣ,
Средь мглы сѣдой, въ степи пустынной,
Вдругъ показался на конѣ
Красивый всадникъ съ пикой длинной...
Козакъ коня быстрѣй погналъ;
Въ его очахъ веселье злое...
И вотъ... почти ужъ доскакалъ...
Копье направилъ роковое,
Настигъ, ударилъ — всадникъ палъ,
За стремя зацѣпясь ногою,
И конь испуганный помчалъ
Младаго Ляха подъ собою.
Летитъ какъ ястребъ витязь въ слѣдъ;
Коня измученнаго колитъ
Или въ ребро, или въ хребетъ,
И въ дальній бѣгъ его неволитъ.
Напрасно ногу бѣдный Ляхъ
Освободить изъ стремя рвется,
Летитъ, глотая черный прахъ,
И слѣдъ кровавый остается...

Гражданское мужество.

Кто, кто сей дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронею,
Чело спокойно, строенъ станъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей украшенный вѣнкомъ,
Съ мечомъ вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты-ли, мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ?
Не ты ли геній древнихъ странъ,
Не ты ли сила душъ свободныхъ;

О, доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты-ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И въ наши дни всегда была
Надежною опорой троновъ!

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ вражду, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ,
Не погасала въ ихъ сердцахъ
Любовь къ согражданамъ своимъ,
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ ареопагу.

О ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой,
Тобою славны на судѣ
И Панинъ нашъ и Долгорукой.
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;

Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины,
И вопль и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ,
И перломъ былъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ,
И страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя,
И юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи;
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ временъ,
Сіять для будущихъ племенъ.

Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ,
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ,
Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;
Подъ ихъ убійственнымъ мечемъ
Вездѣ лилася кровь ручьемъ.
Аттилъ, и Цезарей, и Бренновъ,
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой,
Они являлися толпой . . .
Но много-ль было Цицероновъ? . . .

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ и двухъ Катоновъ.
Но намъ-ли унывать душой,
Пока еще въ странѣ родной

Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерининскихъ временъ,
Для блага сѣверныхъ племенъ,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

И такъ, сограждане, не намъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на Провидѣнье.
Благодаренье набесамъ
За ихъ святое снисхожденье;
Отъ нихъ для блага русскихъ странъ
Мужъ добродѣтельный намъ данъ.
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;
Вотще коварство вкругъ шипитъ,
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть козни строя,
Въ безумной дерзости своей,
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, спокоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ.

Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и съ судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпора власти и народу.

Такъ въ дикой красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ;
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ;
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, реветъ рѣка.
Но тщетны дерзскіе порывы:
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Возноситъ верхъ свой горделивый.

Стансы.

(къ А. Б—ву.)

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!

Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.

Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ,
Но ужаснѣй истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.

Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу,
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суэтный, людей,
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей . . .

Гражданинъ.

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладо-
страстья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ
младой,
И изнывать кипящею душой,
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ своей судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка,
И не готовятся для будущей борьбы
За угнѣтенную свободу человѣка.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ
Въ нихъ не найдутъ ни Брута ни Ріэги.

ДВѢ СТРОФЫ ИЗЪ ОДЫ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

30 Августа 1823 года*).

Гласъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей,
Смотри, въ волненіи народы,
Смотри, въ движеньи сонмъ царей;
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцемъ;
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородной,
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель,
Оно есть первый долгъ царей,
Будь просвѣщенья покровитель,
Оно — надежный другъ властей.

---

*) Это стихотвореніе напечатано было въ "Литературныхъ Листкахъ", издаовашихся Булгариномъ въ 1823г. при журналѣ его: "Сѣверный Архивъ". Къ нему присовокуплены были наиглупѣйшія примѣчанія съ тою цѣлію, чтобъ цензоръ далъ одобреніе къ печатанію. Цензоръ дѣйствительно попалъ въ просакъ, и эти стихи разнеслись въ "Литературныхъ Листкахъ" Булгарика по всей Россіи.

Печатано въ Типографіи К. Шультца въ Берлинѣ,
Kommandantenstrasse No. 72.

